

В целом второй выпуск «Ученых записок» Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР содержит интересный материал по истории, этнографии, языку и литературе якутского народа. К сожалению, внешнее оформление «Ученых записок» мало удовлетворительно.

С. Николаев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Клод Руа. *Ключи к Китаю* (перевод с французского), М., 1954.

Клод Руа — прогрессивный французский журналист, побывавший в Китае и Корее в 1952—1953 гг. Задача, которую он ставил перед собой, отправляясь в новый Китай, ограничивалась формулой: «смотри и записывай». Однако опыт показал, что смотреть можно по-разному. Многие гости из капиталистических стран, отправляясь в Китайскую Народную Республику, по заранее заданному плану подбирали примеры к уже готовым статьям или книгам «антикоммунистического», т. е. антинародного характера. В отличие от них Клод Руа приехал в Китай смотреть своими глазами и слушать своими ушами.

Книга Клода Руа поражает разнообразием литературных форм. От путевого дневника и публикации странички записной книжки автор легко переходит к биографическому очерку; географические описания не только перемежаются стихами, но и сами по себе поэтичны; политический памфлет на тему «бремя белого человека» построен в форме документальной записи диалога. И все это объединено четким сюжетным стержнем.

Не менее поразительно обилие вопросов и проблем, поднятых автором. Готовясь к поездке в Китай, Клод Руа перечитал много старой и новой литературы о Китае, в том числе книг китайских авторов. Это позволило Клоду Руа стать подготовленным наблюдателем и в известной мере компетентным судьей в самых различных вопросах. Он хорошо знает современную китайскую литературу, интересно (хотя и не всегда точно) пишет о фольклоре, широко эрудирован в области философии. Его интересует не только классический китайский театр музыкальной драмы, но и местные театральные формы (например, шаосинский женский театр), «янгэ», теневой театр и т. д. Вся его книга построена как своеобразный популярный курс истории Китая, хотя и ошибочно освещаемой в начальной ее части.

Мастер короткого очерка, Клод Руа широко использует в своей книге биографическое и автобиографическое повествование. Здесь советский читатель найдет биографии политических деятелей: Мао Цзэ-дуна, Чжу Дэ, Чжоу Энь-ляя, Сунь Ят-сена, писателей: Лу-Синя, Лао Шэ, Дин Лин, Чжао Шу-ли, Ли Бо-чжао, Гао Юй-бао, студентки из народа мон Лян Чжао-фу, китайки фельдшера Ли Хуай, крестьянки — секретаря Женского союза деревни «Четыре ивы» У Чэн, великого актера Мэй Лань-фана, директора завода, выдвинутого из рабочих, Лю Инь-юаня, профессора Фын Ю-ланя и др. Встретит советский читатель здесь и биографический очерк «генерала Фисташки» — злейшего врага китайского народа Чан Кай-ши. В исполненной злого юмора зарисовке Клод Руа разоблачает Чан Кай-ши и его клику, которую иногда и сейчас еще пытаются представить как «законное правительство» Китая.

Вспоминая о противодействии принятию Китайской Народной Республики в ООН, Клод Руа с вполне уместной иронией пишет: «Франция не признала китайское правительство. А признает ли Франция, что вода закипает при температуре сто градусов и замерзает при ноле?» (стр. 14).

Еще шире, чем биографическим очерком, для показа жизни и быта нового Китая пользуется Клод Руа записью бесед. Он встречался с представителями самых разнообразных слоев населения КНР. Его беседы — это живой и очень прямой разговор на темы, наиболее острые, наиболее близкие его собеседникам. Благодаря этому книга Клода Руа очень этнографична: ведь он встречался с людьми в обычной для них бытовой обстановке, видел их в будничном костюме, занятых будничным, но великим по своему значению делом — созиданием нового общества. В деревне «Свиной рынок» он наблюдал проведение аграрной реформы и правдиво описал «собрание горестей», определение «классовой принадлежности» сельского населения и т. п. При этом от частного случая он умело переходит к обобщению. Аграрная реформа в новом Китае это для Клода Руа революционный перелом, а не «кодин из этапов эволюции» Китая на его историческом пути «от общины древности к социализму», как пишут теперь частенько даже дружки к Китаю настроенные западные наблюдатели. Обобщая, Руа очень образно выразил тот наглядный подъем благосостояния трудящегося китайского крестьянства, который стал ощутим уже в первые годы после проведения аграрной реформы: «В тех районах, где реформа проведена давно, хлопчатобумажные костюмы крестьян яркосиние, новые, не заштопанные, не зрплатанные. В остальных районах одежда выцветшая, дырявая, штопаная-перештопаная... Счастье — это яркий цвет. Нищета — это сплошная серость» (стр. 80—81).

Две главы в книге («Несчастье быть женщиной» и «Когда женская доля бывает счастливой, или шесть дней в китайской деревне») посвящены революции в китайской семье, ликвидации феодально-крепостнического отношения к женщине.

Глава «Ханцы и варвары» посвящена революции в отношениях между народами Китая, происшедшей благодаря неуклонному осуществлению национальной политики Коммунистической партии и Народного правительства. Четыре главы книги (непропорционально много с точки зрения советского читателя) автор посвятил доказательству ложности колониаторских представлений о Китае и китайцах, вредности мальтузианских построений и воплей о «желтой опасности». Не следует забывать, что книга писалась для западноевропейского читателя, в значительной степени отравленного шовинизмом, вздорными измышлениями об «агрессивности коммунистического Китая» и т. п.

Оптимизмом и верой в светлое будущее проникнуты заключительные страницы книги, где говорится о счастье человечества, о сближении народов.

Не все одинаково удачно у Клода Руа. Борясь против искаженного восприятия явлений китайской действительности, он и сам нередко грешит в том, что называется «преломлением китайского луча сквозь европейскую призму». Наиболее ярко сказалось это в обрисовке образа главного героя широко известной «Правдивой истории А-Кю» (или в китайской передаче А-гуя) великого китайского писателя Лу Синя. Клод Руа пишет: «А-Кю — человек, у которого даже нет своего имени, это никто, и это сын своего народа; это кули, наивный и хвастливый, безобидный и хитрый, простодушный и лукавый; он привык сносить пинки, унижения, его заставляют делать самую грязную работу, и кажется, он не живет на самом деле, а словно видит во сне свою жалкую жизнь... А-Кю это нечто вроде бравого солдата Швейка, но только более мрачный и еще более обездоленный. Это протак из народа, но народа колониального, еще не освободившегося от феодального ига» (стр. 176). В этой характеристике ошибочна ее суть. А-гуй это не «сын своего народа», а кичливое ничтожество, хвастливая мразь. Чувство человеческого достоинства ему не знакомо. Собственную трусость он прикрывает «предопределением», покорностью судьбе, полную пассивность он оправдывает удобной формулой «ничего не поделаешь». Революцию он воспринимает как период, когда можно пограбить. Недаром и сам Лу Синь, и коммунистическая партия Китая призывают к борьбе против агуэцины — как своеобразной идеологии люмпенпролетариата. А вот буржуазным писателям было выгодно представить А-гую типичным сыном китайского народа. У Клода Руа эта ошибка идет от «традиции».

Иногда ошибки Клода Руа идут от не критического восприятия прочитанных им книг о Китае. К таким ошибочным положениям относится, например, «традиционное» в буржуазной синологии представление о «пришлости» китайцев в Китай откуда-то с Запада. Это утверждение, идущее от Вигера и Форке и пропагандируемое сейчас американским синологом К. Бишопом, органически чуждо Клоду Руа, но он дважды повторяет его, не задумываясь над тем, правильно ли оно. Ему не может быть не известно, что наука нового Китая (как и советская наука) вполне доказательно утверждает, что почти все народы Китая сложились, в основном, на его нынешней территории. Оттеснение же «варваров» на окраины страны связано с формированием хань (китайцев) как народности и как нации.

Некоторые ошибки проистекают от небрежности автора. Так, в главе пятой «Ханцы и варвары» и в тексте, и в заглавии встречаются три названия одного и того же народа — «йи», «носу» или «лоло» как этнонимы разных народов. Следует отметить, что и в русском переводе эта ошибка не исправлена.

Вобщем качество перевода не всегда удовлетворительно. Например, вместо «Мын-Цзян Нюй», т. е. «дочь семей Мын и Цзян» напечатано «Мын-Цзян ну», что означает «краб семей Мын и Цзян»; вместо династии Цин или Дай-цин (XVII—XX вв.) напечатано Цинь (III в. до н. э.); Аурелий Стейн переделан в Орела Штейна, а Вэйли — в Уэдея. «Реставраторы фарфора» (стр. 29) это всего на всего починщики посуды. Фарфоровые изразцы крыши Храма Неба (стр. 32) — это глазурованная черепица. Книжка Артура Смиса «Chinese characters» не «Характерные черты китайцев», а «Китайские очерки», «Зарисовки в Китае». Перевод слова «натирания», «умащивания» словом «масть» («и благовоние мастей твоих лучше всяких ароматов» — стр. 394) меняет смысл фразы.

Трудно объяснить, почему редакционные комментарии относятся только к одной из многих тем, затронутых в книге Клода Руа, — к средневековой и древней философии (философия нового и новейшего времени комментируется от случая к случаю). Ведь ошибки и искажения имеются и в других местах книги. Во всех таких случаях редакции следовало бы помочь советскому читателю книги Руа составить о Китае правильное представление.

Однако недостатки оригинала и перевода не снижают значения работы Клода Руа, безусловно хорошей, интересной и очень полезной. Особо следует отметить живой, образный язык книги. Повесть о новом Китае, согретая теплом искренней дружбы, буквально искрится остроумием.